

УДК 821(3)09

ЗАГАДКА ИМЕНИ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Александр Юрьевич Братухин

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Bratucho@yandex.ru

В статье делается попытка объяснить появление полного римского имени у греческого христианского писателя Климента Александрийского, исходя из существовавшего у ранних христиан обычая принимать имена мучеников. Использование автором «Стромат» личного и родового имен консула 95 г. Тита Флавия Климента, казненного императором Домицианом, объясняется желанием александрийского пресвитера полнее выразить свой литературный замысел. При доказательстве этой гипотезы учитывается принятие императором Септимием Севером имени своего убитого предшественника, отсылка в начале «Стромат» к «Пастырю» Ермы, который упоминал некоего Климента, свидетельство врача Галена о Флавии Клименте и интерес Климента Александрийского к фармакологии.

Ключевые слова: Климент Александрийский; раннее христианство; александрийская школа; история Церкви; иносказание; литературный замысел; интерпретация; «Пастырь» Ермы.

Климент Александрийский (род. ок. 150, ум. ок. 215 г.) – греческий христианский писатель, представитель александрийской богословской школы, пресвитер, автор своеобразной трилогии – «Увещания к язычникам», «Педагога» и «Стромат», гомилии «Какой богач спасется» и других сочинений. Слово *στρωματεύς* (мн. ч. *στρωματεῖς*), согласно LSJ [Liddell, Scott, Jones 1996: 1656], со значением «patchwork» использовалось в качестве названия литературного произведения смешанного содержания (*Gell. Noct. Att. Praef. 7*); сочинение с таким названием имелось у Плутарха (*Eus. Praef. eu. 1. 7. 16*). Приняв крещение в зрелом возрасте, Климент после долгих странствий поселился в Александрии и стал учеником Пантена (*Clem. Strom. I, 1, 11, 1–2*), которого сменил впоследствии на посту главы огласительного училища (*Eus. Н. Е. VI, 6, 1*). Во время гонений 202–203 гг. Клименту пришлось покинуть Александрию. В 211 г. он находился при иерусалимском (ранее каппадокийском) епископе священномученике Александре († 251 г.), о чем свидетельствует письмо последнего к антиохийской церкви, в котором Климент упоминается как тот, с кем это письмо послано (*Eus. Н. Е. 6. 11. 6*). Умер Климент до 215 г.: Александр в письме, написанном в этом году Оригену из Иерусалима [Osborn 1957: 1 and 3], говорит: «Мы считаем отцами этих блаженных предшественников, рядом с которыми мы скоро окажемся, – Пантена, воистину блаженного и власть имею-

щего, и святого Климента, ставшего мне господином и помощником» (*Eus. Н. Е. 6. 14. 9*).

Биографические сведения о месте рождения Климента и о его происхождении весьма скудны и порой противоречивы. Во времена Епифания (IV в.) одни называли Климента александрийцем, другие афинянином (*Epiaph. Panar. 12/32, 6*). Последнюю точку зрения разделяет Э. Осборн [Osborn 2005: 21, n. 76]. Святитель Никифор Константинопольский говорит о Клименте как о «святом из Александрии» (*Refut. et evers. def. syn. an. 815, 63*). Согласно одному мнению, Климент получил латинское имя от своего хозяина, отпустившего его на волю [Амман 1994: 69]; согласно другому, он родился в аристократической семье в Афинах [Бычков 1995: 56, ср.: Афонасин 2003: 6], а его полное имя говорит о римском гражданстве его родителей [Иваненко 2009: 47].

Первую гипотезу делают проблематичной и его блестящее образование, ставящее под вопрос его рабское происхождение, и состоятельность его семьи [Светлов 1996: 6], позволявшая ему много путешествовать. Вторая гипотеза на первый взгляд кажется более правдоподобной. В самом деле, родовое имя (*nomen*) «Флавий» было довольно распространенным в Римской империи. Его получил знаменитый иудейский историк Иосиф; врач Гален (II в. после Р. Х.) в своих трактатах упоминает трех Флавиев [TLG, cf. Brasauolus 1625: 194, 106]; консула Флавия Бозта (*De anat. adm. I. Vol. 2, p. 215; De praenot. ad Posth. Vol. 14,*

р. 612 et 626), кулачного борца Флавия (De compos. medicam. secundum locos libr. decem. IX. Vol. 13, р. 294) и некоего Флавия Климента (De compos. medicam. per genera libr. septem. VII. Vol. 13, р. 1026), о котором будет сказано в конце статьи. Еще один известный Флавий – грек Флавий Филострат, младший современник Климента, автор сочинения «Жизнь Аполлония Тианского»: границы между римлянами и греками в эту эпоху стирались. Однако труднообъяснимым представляется полное совпадение личного (praenomen), родового и фамильного (cognomen) имен у сына афинских аристократов и у консула 95 г. Тита Флавия Климента, двоюродного брата императора Домициана. Таким образом, вопрос о классическом латинском имени греческого учителя Церкви, по нашему мнению, нельзя считать решенным. Попытаемся объяснить наличие латинских praenomen, nomen и cognomen у этого греческого писателя, исходя из существовавших у ранних христиан обычаев.

Итак, у Климента Александрийского был полный тезка, принадлежавший к императорскому роду Флавиев. Домициан казнил его «по ничтожнейшему подозрению» (Suet. Dom. 15, 1; ср.: Flav. Phil. Vita Apoll. 8, 25) в 96 г. Согласно Диону Кассию, Домициан убил своего двоюродного брата, а его жену, свою родственницу, Флавию Домициллу сослал, обвинив обоих в безбожии, за которое были осуждены многие, впавшие в иудейство (Hist. Rom. LXVII, 14, 1–2; ср.: Eus. Н. Е. III. 18. 4). Это сообщение может быть истолковано как свидетельство об обращении их ко Христу, поскольку христианство для Диона было не чем иным, как иудейской сектой [Свенцицкая 1987: 132]. Георгий Синкелл пишет, что Флавий Климент был убит за Христа (Ecloga chronogr. P. 419). Светоний Транквилл утверждает, что Домициан убийством своего кузена, человека весьма презренного и косного (contemptissimae inertiae), двух сыновей которого сам назначил своими преемниками, чрезвычайно ускорил свою гибель (quo maxime facto maturavit sibi exitium) (Suet. Dom. 15, 1). Противоречивость такого утверждения бросается в глаза: смерть жалкого человека явилась главной причиной (а не поводом) устранения могущественного правителя. Однако если учитывать, что Транквилл называет христиан «родом людей нового и вредного суеверия» (Suet. Ner. 16, 2), приведенные уничтожающие слова о бывшем консуле становятся понятными и могут считаться подтверждающими его принадлежность к «новому суеверию». Ведь самого Господа Климент называет презируемым за облик (Protr. 10, 110, 1), а, по словам Тертуллиана, христианам ставили в вину, в том числе, и их бесполезность в коммерческой деятельности:

et infructuosi negotiis dicimur (Tert. Apol. 42, 1). Итак, учитывая, что консул Флавий Климент рассматривается в христианской традиции как один из мучеников I в., его имя александрийский пресвитер мог или получить при крещении, или взять его себе в качестве своеобразного псевдонима.

Новое имя давалось при крещении уже в первые века христианства. Так, например, великомученик Евстафий († ок. 118 г., память 20 сент.) до принятия крещения звался Плакида; Афинаиду, будущую императрицу, епископ Константинополя Аттик (406–425/6 гг.) нарек при крещении Евдокией (Socr. Н. Е. VII, 21). Иногда имя принималось уже после крещения в память о жившем ранее мученике. Так, Евсевий Кессарийский прибавил к своему имени форму родительного падежа имени своего друга пресвитера Памфила (Εὐσεβῖος ὁ Παμφίλου – «Евсевий <друг> Памфила»), погибшего мучеником в 309 г. [Бриллиантов 2007: 48–49]; однако уже у Эпифания в одном из писем появляются оба эти имени в номинативе: ὁ Πάμφιλος Εὐσεβῖος (Epist. ad Eus. et al. P. 206).

Тот факт, что у автора «Стромат» новыми были, по крайней мере, два имени, говорит в пользу получения их не при крещении, при котором, как видно из приведенных выше примеров, нарекалось одно имя. Ведь Евсевий и другие древние источники, говоря об авторе «Стромат», называют его только Климентом или «Строматевсом» (так, автора «Лествицы» св. Иоанна прозвали Лествичником по его произведению). Евсевий при этом подчеркивает, что Климент Александрийский был тезкой (ὁμώνυμος) римского епископа (Eus. Н. Е. V, 11, 1). Очевидно, «Климент» и было его первоначальным именем, к которому впоследствии были добавлены «Тит» и «Флавий». Если Титом звался сподвижник апостола Павла, адресат одного из его посланий, то имя Флавия из известных святых ко времени Климента никто, кроме консула 95 г., не носил (известен св. Флавий, один из сорока Севастийских мучеников, пострадавших в 320 г., память 9 марта). Однако Климент Александрийский оказывается не просто Флавием (как Плакида – Евстафием), и даже не Флавием Климентом, а Титом Флавием Климентом. Попытаемся выяснить, по какой причине Климент взял себе эти латинские имена. Они встречаются применительно к Клименту Александрийскому у Евсевия (Н. Е. VI, 13, 1) и Фотия (Bibl. Codex 111 Bekker 89b) только при упоминании восьми книг «Стромат», при этом из слов кессарийского епископа следует, что Климент сам вставил в название своего труда такое указание на автора: «До нас дошли “Стро-

маты” Климента, все восемь книг, которые он удостоил (ἡξιώσεν) следующего заголовка: “Тита Флавия Климента Строматы познавательных памятных записок об истинной философии”.

Христианские авторы по-разному начинали свои сочинения. В Евангелиях нет указания на автора, в апостольских посланиях после имени автора, если оно есть, дается указание на *призвание* написавшего: «Раб Иисуса Христа, призванный апостол» (Рим. 1:1), «призванный апостол Христа Иисуса» (1 Кор. 1:1), «апостол Христа Иисуса» (2 Кор. 1:1, Кол 1:1, 1 Тим. 1:1, 2 Тим. 1:1, Еф. 1:1), «апостол» (Гал. 1:1), «рабы Христа Иисуса» (Флп. 1:1), «раб Божий, апостол же Иисуса Христа» (Тит. 1:1), «узник Христа Иисуса» (Флм. 1:1), «Бога и Господа Иисуса Христа раб» (Иак. 1:1), «апостол Иисуса Христа» (1 Пет. 1:1), «раб и апостол Иисуса Христа» (2 Пет. 1:1). Только в 2 Пет. 1:1 указано прежнее имя пишущего апостола: «Симон Петр». В Иуд. 1:1 сообщается, вероятно, во избежание путаницы с Искаротом и о родственных отношениях: «Иисуса Христа раб, брат же Иакова». В сочинениях «апостольских мужей» указание на автора есть в послании Поликарпа к филиппийцам, где сообщается лишь его имя, и в посланиях Игнатия Антиохийского, где к имени прибавлено и прозвание, данное, вероятно, антиохийскими христианами, – «Игнатий Богоносец (Ἰγνατίος ὁ καὶ Θεοφόρος)». В апологетических сочинениях, написанных преимущественно для язычников, после имени автора, если оно есть, говорится о *происхождении*, а не о призвании: «Иустин, <сын> Приска, <внук> Вакхия, иже из Флавии Неаполя Сирии Палестинской» (*Iust. 1 Apol. 1, 1*). Заголовок творения Афинагора имеет такой вид: «Афинагора афинянина, философа христианского, прошение о христианах». Татиан заканчивает свое «Слово к эллинам» сообщением о том, что он родился в земле ассирийской (*Tat. Orat. 42*). Полное трехчастное римское имя «Тит Флавий Климент» в заглавии должно было указывать на происхождение автора, укладываясь в традицию, которой следовали апологеты, а его вторая часть – вызывать у читателя ассоциации со знаменитым историком иудейских древностей, на которого Климент ссылается, говоря о хронологии (*Strom. I, 21, 147, 2*), и оказывается как бы продолжателем его традиции.

Отметим то обстоятельство, что в более ранних своих работах – в «Увещании» и «Педагоге» – Климент никак не называл себя, хотя римское имя неизбежно обеспечило бы его сочинениям большую респектабельность в глазах языческой аудитории. О том значении, которое придавалось природному римскому гражданству в

первые века христианской эры (до императора Каракаллы), свидетельствует, например, следующий отрывок из «Деяний апостолов»: «Но когда растянули его ремнями, Павел сказал стоявшему сотнику: “Разве вам позволено бичевать римского гражданина, да и без суда?” Услышав это, сотник подошел и донес тысяченачальнику, говоря: “Смотри, что ты хочешь делать? Этот человек – римский гражданин”. Тогда тысяченачальник, подойдя к нему, сказал: “Скажи мне, ты римский гражданин?” Он сказал: “Да.” Тысяченачальник отвечал: “За большие деньги приобрел я это гражданство”. Павел же сказал: “А я родился в нем.” Тогда тотчас отступили от него хотевшие пытать его. А тысяченачальник, узнав, что он римский гражданин, испугался, что связал его» (Деян. 22:25–29). Тем не менее Климент даже в обращенном к язычникам «Увещании» пренебрег таким важным элементом в оформлении своего труда, как указание на римское гражданство его автора. Что произошло ко времени начала его работы над «Строматами», в которых он решает, отложив смирение, дать «свое» полное имя? В «Строматах» говорится о смерти императора Коммода (192 г.) как о недавнем событии (*Strom. I, 21, 144, 3–5*). В 193 г. к власти пришел Луций Септимий Север, объявивший себя мстителем (ἔκδικος) за убитого императора Пертинакса и принявший имя последнего (*Herodian. Ab excessu divi Marci. II, 14, 3*), так что получилось: Severus Pertinax – «Суровый Пертинакс». В этой связи появление Флавия Климента (т.е. «Флавия Кроткого») можно рассматривать как своеобразный ответ христианского писателя, действительно отличавшегося мягкостью по отношению к язычникам и еретикам, языческому императору. Имя последнего ни разу не встречается в «Строматах», работу над которыми Климент продолжал и после вызванного гонениями Севера своего бегства из Египта: в последних трех книгах «Стромат» содержится небольшое количество платоновских цитат из-за того, что эти книги были написаны за пределами Александрии, где находился скрипториум с рукописями Платона [*Osborn 2005: 20. Itter 2009: 10, 34*].

Итак, принятие Климентом имени Тита Флавия может объясняться как существовавшей традицией наречения христианина в честь жившего ранее мученика, так и получающимся при таком сочетании контрастом с прозвищем правящего императора. Однако остаются вопросы: 1) почему автором «Стромат» был выбран именно этот мученик, 2) находит ли наша гипотеза какое-либо подтверждение в самом тексте рассматриваемого произведения, 3) как Климент решил

этическую проблему произвольного использования чужого имени.

Высокое положение консула Климента, которого он лишился вместе с жизнью из-за веры во Христа, неизбежно должно было привлечь внимание писателя Климента, неоднократно обращавшегося к теме богатства и спасения. Если в «Увещевании» он называл богатство, наряду со спесью и страхом, препятствием, стоящим на пути спасения (10, 101, 2), то в «Педагоге», интерпретируя слова Писания: «Собственное богатство является выкупом за душу человека» (Прит. 13:8), он уже говорит: «Если он богат, спасется раздачей» (Paed. III, 7, 39, 2). В гомилии «Какой богач спасется» он утверждает: «Можно и при богатстве обрести спасение, если кто обратится от чувственного богатства к умопостижаемому и преподаваемому Богом и научится прекрасно и особым образом пользоваться вещами, ставшими для него безразличными, и устремится к жизни вечной» (Quis dives. 20, 2). Ниже он предлагает богачу покупать за деньги бессмертие и, давая тленное мира, получать за него вечную обитель на небесах (Quis dives. 32, 1). Клименту Александрийскому, одному из первых церковных авторов, кто встал на защиту разумно относящихся к богатству зажиточных христиан, личность первого и единственного близкого к трону христианина-мученика, чуть было не ставшего отцом императоров, но презревшего свое богатство и положение в обществе, безусловно, должна была импонировать.

В тексте «Стромат» имеется косвенное подтверждение гипотезы о принятии Климентом Александрийским имени консула Тита Флавия. Первым предложением в дошедшем тексте является отрывок из «Пастыря» Ермы (25, 5): «...чтобы ты сразу читал их <заповеди и притчи> и мог соблюсти их» (Strom. I, 1, 1, 1). Климент Александрийский, начиная свой труд словами из апокрифического апокалипсиса, как бы отсылает читателя к нему. Известно, что «Строматы» написаны с расчетом на вдумчивого читателя. Климент сравнивает их с лугом и садом, где разные цветы и деревья растут в беспорядке (Strom. VI, 1, 2, 1). Эта композиционная сложность объясняется опасностью возвещать ясные и понятные слова об истинном свете «свиноподобным и невежественным читателям» (Strom. I, 12, 55, 4): чтобы скрыться от пустословов, истина в этих памятных записках хаотично рассеяна (Strom. I, 12, 56, 3). А. Иттер пишет: «Аналогия лабиринта объясняет бессистемное (haphazard) расположение материала в “Строматах”, которые, будучи рассматриваемы в целом, следуют порядку, направляющему, в конечном счете, читателя к цели, одновременно скрываемой и обна-

руживаемой. “Строматы” намеренно сбивают с толку (obfuscates), чтобы привести души к посвящению» [Itter 2009: 74].

Широкая известность во II в. «Пастыря», который тогда многими считался канонической книгой Нового Завета и на который ван ден Хук (Ноек) насчитывает у Климента Александрийского пятнадцать ссылок [Ewing 2005: 111. n. 36], позволяет утверждать, что появление цитаты из этого апокалипсиса в тексте «Стромат» непосредственно после заглавия с именем Климента вызывало ассоциацию с Климентом, упомянутым Ермой. Ведь малое количество личных имен в достаточно объемном «Пастыре» придавало им особое значение и обеспечивало их запоминаемость: кроме самого Ермы (passim) и Климента с Граптой (8, 3), там названы лишь легендарные авторы апокрифа Елдад и Молад (7, 4, ср.: Числ. 11:26-27), ангелы Фегри (Θεγρί) (23, 4) и Михаил (69, 3) и некий нечестивец Максим (7, 4) [Osiek 1999: 57]. Ключом к более глубокому пониманию «Стромат» служит, по нашему мнению, пассаж из «Пастыря», где передаются слова, сказанные Церковью в видении Ерме: «Когда я закончу все речения, через тебя они станут известными всем избранным. Ты напишешь две книжки и пошлешь одну Клименту, другую – Грапте. Климент же пошлет во внешние города (εἰς τὰς ἔξω πόλεις), ибо ему позволено (ἐπιτέτραπται). Грапта же будет наставлять вдов и сирот. А ты будешь читать в этом граде с пресвитерами, стоящими во главе Церкви (μετὰ τῶν πρεσβυτέρων τῶν προϊσταμένων τῆς ἐκκλησίας)» (Herm. 8, 2–3). В этом Клименте видят и автора «Послания к коринфянам», и «делегата от совокупности римских общин, министра иностранных дел (Außenminister)», и даже вымышленного персонажа (fiktiv) [Brox 1991: 107–108]. Иногда его отождествляют с третьим римским епископом [Киприан 1996: 61, 64], пострадавшим, согласно Евсевию, при Траяне (Н. Е. 3. 34), в соответствии с новейшими исследованиями – при Нерве (96–98 гг.) [Задворный 1995: 18], память 25 ноября. Однако в этом случае непонятно, почему епископ упомянут отдельно от предстоятелей Церкви и имеет иные функции. Отметим, что пресвитеров и епископов Ерма в одном месте никогда не называет. Так, например, в 13, 1 у него упоминаются апостолы, епископы, учителя и диаконы, в 104, 2 – епископы и страннолюбцы. Можно сказать, что Ерма не выделяет епископов из среды пресвитеров. Слова о том, что Клименту поручается оповещение других городов, на первый взгляд согласуются с наличием у Климента Римского послания к ко-

ринфской церкви. Однако пересылка чужой книги, т. е. выполнение функции служителя, а не предстоятеля, подобает скорее мирянину (или «секретарю церкви, возможно, диакону» [Osiek 1999: 59]), занимающему высокое положение в обществе, которое позволяет ему ведать внешними сношениями римской церкви. Таким человеком в рассматриваемую эпоху был консул 95 г. Тит Флавий Климент. О том, что в ранней Церкви распространение священных текстов не являлось прерогативой священноначалия, свидетельствуют, например, слова апостола Павла в Послании к колоссянам, где он велит им (а не их епископу): «Когда будет прочитано у вас <это> послание, сделайте так, чтобы и в Лаодикийской церкви оно было прочитано» (Кол. 4:16). В третьей книге Ездры, оказавшей, очевидно, большое влияние на Ерму, Ездру самому поручается сделать часть написанных книг доступными для всех (3 Езд. 14:46-48). Учитывая же, что в «Климентинах», относящихся к III в., консул Тит Флавий Климент и Климент Римский отождествлялись [Задворный 1995: 18] и что имеются исторические и археологические доказательства связей Климента Римского с семьей Флавия Климента [Osiek 1999: 59, п. 9], можно с еще большей уверенностью утверждать, что во время появления «Стромат» в Клименте из «Пастыря» могли видеть консула 95 г. и считать его своеобразным прообразом служителя, распространяющего священное учение, полученное им от других людей.

В «Строматах» содержится интерпретация процитированного нами места из «Пастыря» (*Herm.* 8, 2): «Действительно, сила (δύναμις), явившись в видении Ерме в образе Церкви, не вручила ли для переписывания книгу, которую желала передать избранным? Он переписал ее “буква в букву”, как он говорит, не находя слогов. Показано, что Писание, истолковываемое в соответствии с буквальным прочтением, совершенно понятно всем и что вера играет роль первоэлементов, поэтому и говорится иносказательно о прочтении буква в букву. Под чтением по слогам, согласно нашему пониманию, подразумевается сознательное развертывание Писаний, когда вера уже преуспела» (*Strom.* VI, 15, 131, 2–3, ср. также *Herm.* 5, 4). В «Строматах» не указывается, кого обозначают внешние города, кого – сироты и вдовы, кого – пресвитеры, однако у Оригена, ученика Климента Александрийского, есть подробное истолкование этого отрывка из «Пастыря»: сироты – это те, которые еще не могут записать своим отцом Бога, вдовы – это те, которые, уйдя от незаконного мужа, еще не стали достойными небесного Жениха; их всех на-

ставляет Грапта, голая буква. «А Клименту, уже удалившемуся от буквы, дается повеление послать сказанное внешним городам, можно сказать, душам, находящимся вне плотских и низких мыслей. Сам же он <Ерм>, ученик Духа, получает приказ возвестить уже посредством не букв, а живой речи (διὰ ζώντων λόγων) пресвитерам всей Церкви Божьей, поседевшим от рассудительности» (*De princ.* IV, 2, 4). Поскольку объяснения слов Ермы у Климента и Оригена, которых «можно считать единой школой» [Большаков 2002: 153], похожи – оба говорят о буквальном и иносказательном понимании Писания, – можно утверждать, что Клименту не был чужд ход мысли Оригена. С одной стороны, христиане делятся на тех, кого удовлетворяет буквальный смысл Писания, и тех, кто способен «удалиться от буквы». С другой стороны, одни учителя проповедают людям, оставившим плотское, письменно, другие, более одухотворенные, устно. Согласно Блаженному Иерониму, учитель Климента Пантен предпочитал второе: «Существует много его комментариев Священного Писания, но большую пользу он приносил церквям живой проповедью» (*De vir. ill.* 36). Климент, написав о своем труде: «Я хорошо знаю, что мои записи воспоминаний слабы в сравнении с тем благодатным духом, внимать которому мы были удостоены. <...> Есть некоторое, нами не вспомненное, ибо велика была сила (δύναμις) у тех блаженных мужей <...>» (*Strom.* I, 1, 14, 1 и 3), – заявил тем самым, что его труд, обращенный к совершенным христианам, уступает все же речам учителей своего создателя, которые тот пытается воспроизвести. Таким образом, принятый Климентом «псевдоним» должен был сказать читателям, что перед ними книга записей чужих мыслей, предназначенная для «внешних городов», а сам он – лишь посредник при передаче информации.

Мог ли Климент Александрийский позволить себе принять чужое имя только потому, что это показалось ему целесообразным? Укажем на интересное совпадение. Врач Гален, приводя рецепты изготовления различных снадобий, называет полученное (ἐπιτετευμένον) Флавием Климентом лекарство, при помощи которого исцелялись люди, все тело которых было искажено подагрой (*De compos. medicam. per genera libr. septem.* VII. Vol. 13, p. 1026). Даже если у Галена речь шла о некоем ином Флавии Клименте, последний легко мог быть отождествлен со святым консулом-мучеником: подобные произвольные отождествления в эту эпоху не были редкостью. Таким образом, консул должен был восприниматься как специалист в фармакологии. Климент

Александрийский очень широко (особенно в написанном ранее «Стромат» «Педагоге») использовал тему лекарств и, скорее всего, тоже интересовался этой областью медицинских знаний. Ограничимся несколькими из очень многих его «фармакологических» пассажей: «Порицание же подобно медикаменту, разлагающему мозоли страстей и очищающему от жизненной скверны – похоти» (Paed. I, 8, 65, 1); «<...> миро нужно использовать, словно снадобье и лекарственное средство, для пробуждения ослабевшей силы, против насморка, простуд и апатии» (Paed. II, 8, 68, 2); «Как мы показали, в качестве целебного средства для лечения, а порой и для целомудренного развлечения, не стоит отвергать наслаждение цветами и пользу от благовонных мазей и фимиама. Если же некоторые и говорят: “Какая радость от цветов для тех, кто не пользуется ими?” – пусть знают, что из них приготавливаются благовонные мази, которые бывают весьма полезными: сусин из лилий обычных и белых (имеется согревающий, слабительный, абсорбирующий, увлажняющий, очищающий, летучий, разгоняющий желчь, смягчающий); наркиссин, <приготавливаемый> из нарцисса, полезен тем же самым; мирсин, <приготавливаемый> из миртовой ягоды и мирта, вяжет и удерживает телесные выделения; а то, что <приготавливается> из роз, охлаждает» (Paed. II, 8, 76, 1–3). См. также: Prot. I, 2, 4; X, 106, 2; X, 109, 1; Paed. I, 8, 74, 2; I, 10, 94, 1; I, 12, 100, 1; II, 2, 20, 2–3; II, 2, 22, 3; II, 10, 102, 2; Strom. I, 27, 171, 1–2; VI, 16, 148, 5; VII, 11, 61, 5. У Климента неоднократно появляются реминисценции и цитаты из греческих поэтов, имеющие «лекарственную» тематику. См., например: «...словно унимающими боль снадобьями (ἡπίοις φάρμακοίς), человеколюбивыми наставлениями Он лечит страждущих до совершенного познания истины» (Paed. I, 1, 3, 1) и «Он посыпает не только облегчающими снадобьями (τὰ ἥπια ἐπιπάσσει φάρμακα), но и терпкими, вяжущими. Ведь горькие корни страха останавливают распространение греховных язв» (Paed. I, 9, 83, 2) – ср.: «посыпать облегчающими снадобьями (ἐπί τ' ἥπια φάρμακα πάσσειν)» (II, XI, 515; см. также XI, 830; IV, 218); «Эти оковы очень быстро снимаются, с одной стороны, человеческой верой, с другой стороны, божественной благодатью, когда одним исцеляющим снадобьем (παιωνίῳ φαρμάκῳ) – крещением Логоса – отпускаются прегрешения» (Paed. I, 6, 29, 5) – ср.: «от того, кому есть нужда в исцеляющих снадобьях (φαρμάκων παιωνίων), мы попытаемся отвратить беду болезни, или прижигая, или разрезая разумно» (Aesch. Agam. 848–850); Strom. I, 8, 40, 3 – см.: Eur. Phoen. 471–472;

Strom. V, 11, 68, 4 – см.: Callim. Epigram. 46, 4; Strom. VII, 4, 27, 1 – см.: Men. Phasma. 50–56. В «Строматах» Климент сообщает о сорока двух герметических книгах, шесть из которых посвящены медицинским вопросам: строению тела, болезням, медицинским инструментам, снадобьям, офтальмологии и гинекологии (Strom. VI, 4, 37, 3). На основании того, что о содержании врачебной части герменевтического корпуса он пишет подробнее, чем, например, о трактатах, находившихся у жреца, ведавшего священными облачениями, и у прорицателя (Strom. VI, 4, 36, 2 – 37, 2), можно заключить о его заинтересованности этой областью.

О знании Климентом если не самих трудов Галена, то, по крайней мере, традиции, к которой тот принадлежал, говорят такие сопоставления: «Древние называли их <бани> людскими сукновальнями, так как они быстрее, чем следует, делают тела морщинистыми и, выпаривая, заставляют их преждевременно стариться, так как плоть от жара размягчается подобно железу (σιδήρω): поэтому мы нуждаемся как бы в закаливании и погружении в холодную воду (τῆς βαφῆς καὶ τῆς στομώσεως τοῦ ψυχροῦ)» (Paed. III, 9, 46, 4) – «Ведь кажется, что с нами, входящими в холодный (ψυχράν) бассейн в банях, происходит то же самое, что и с закаливанием железа (τῆ τοῦ σιδήρου βαφῆ); ведь мы охлаждаемся и взбадриваемся так же, как и оно, когда в раскаленном состоянии погружается в холодную воду (ψυχρῶ)» (Galen. De meth. med. X. Vol. 10. P. 717). В той же десятой книге Гален говорит, что в бани ходят, чтобы наслаждаться горячим воздухом, затем вступать в горячую воду, потом в холодную, наконец, обтирать выступивший пот (Galen. De meth. med. X. Vol. 10. P. 708). По Клименту, для посещения бань также имеется четыре причины: чистоплотность, теплота, здоровье, удовольствие (Paed. III, 9, 46, 1). Климент одобрительно отзываясь о борьбе в прямом положении (τὰ δὲ ἀπὸ ὀρθῆς πάλης) (Paed. III, 10, 51, 1), и Гален рекомендует именно этот вид борьбы (πάλη ἀπ' ὀρθοῦ) (In Hipp. de victu acut. comment. Vol. 15. P. 915).

Итак, объединяющими двух Климентов, консула и пресвитера, кроме одинакового имени, могли считаться также интерес к фармакологии и высокая образованность. Это обстоятельство позволяет предположить, что инициатива наречения второго именем первого принадлежала окружению александрийского пресвитера, высказавшему ему так свое уважение. Сам же Климент решился использовать это имя лишь однажды, чтобы полнее выразить свой литературный за-

мысел. Упоминание Отцом Церкви в своем труде прозвания, данного ему паствой, засвидетельствовано уже в начале II в.: речь идет об Игнатии Богоносце (Θεοφόρος), написавшем о себе в послании к магнезийцам: «Удостоенный (καταξιώθεις) богодостойнейшего (θεοπρεπέστατου) имени» (*Ign. Epist. II, 1, 2*). В патристике известен случай, когда имя, данное с иронией, закрепилось как почетное прозвание: Симеон стал Новым Богословом [Бирюков 2009: 281, прим. 6]. Согласно другому объяснению, Симеона назвали Новым Богословом его противники, чтобы этим «подчеркнуть опасные “новшества” его богословия» [Иларион (Алфеев) 2010: 370–371]. Говоря о наречении христианского автора именем предшественника, можно упомянуть еще Иоанна Златоуста (ср. Дион Христом).

Если допустить факт принятия Климентом Александрийским имени мученика апостольского времени, станет более понятным появление в VI в. сочинений, автором которых считался ученик апостола Павла Дионисий Ареопagit (Деян. 17:34), отождествленный франками с первым парижским епископом Сен-Дени. В этом случае можно говорить не о злонамеренной узурпации неизвестным писателем раннего Средневековья имени св. Дионисия для придания авторитета собственному сочинению (ср. казус Джеймса Макферсона с его «Оссианом», см.: *Fragments of ancient poetry, collected in the Highlands translated from the Gaelic or Erse language by James Macpherson. Edinburgh, 1760*), а об использовании образа жившего ранее святого для решения определенных литературных задач. В силу специфических обстоятельств, связанных с монофизитскими спорами, псевдоним в восприятии современников и потомков мог вытеснить настоящее имя автора. Традиция обращения к читателям от лица упомянутых в Новом Завете христиан восходит к эпохе «апостольских мужей». Подобным образом автор «Пастыря» (сочинения, которое большинство ученых относит ко второй четверти II в. [Киприан 1996: 63]) упоминает Климента помещая себя в последние годы I в. Кроме проблемы Псевдо-Дионисия, существует проблема двух Ерм (одного, упомянутого апостолом Павлом (Рим. 16:14), другого – автора «Пастыря»), а также двух Климентов (одного из послания апостола Павла, Флп. 4:3, см.: *Orig. Comm. in Eu. Iohann. VI, 54, 279; Eus. H. E. III, 15; Hier. De vir. ill. 15*, другого – третьего римского епископа). Симеона Студита, духовного отца Симеона Нового Богослова, назвали Боговоейным (Εὐλαβής), вероятно, по Симеону Богоприимцу из Евангелия от Луки (2:25) [Иларион

(Алфеев) 2010: 144]. Псевдо-Дионисий Ареопagit (*De div. nom. 5, 9*) смешивал с Климентом Римским самого Климента Александрийского [Osborn 1957: 4].

Вторым объяснением наличия у Климента Александрийского такого латинского имени может быть дарование консулом 95 г. Титом Флавием Климентом свободы его предку. Однако в этом случае александрийский пресвитер, скорее всего, указал бы, следуя традиции апологетов, свое родовое имя еще в «Увещании», и оно встречалось бы у церковных писателей не только при воспроизведении полного названия восьми книг «Стромат». Случайное же появление через сто лет после казни Тита Флавия Климента его полного тезки выглядит крайне маловероятным, особенно если учитывать объединяющие их черты: принадлежность к христианству, общие научные интересы и призвание к распространению учения, полученного от одаренных благодатью мужей.

Список литературы

- Амман А. Путь Отцов. Краткое введение в патристику / пер. с фр. М.: Пропилеи, 1994. 240 с.
- Афонасин Е.В. «Строматы» Климента Александрийского // Климент Александрийский. Строматы / подготов. текста, пер. с древнегреч., предисл. и коммен. Е.В.Афонасина. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. Т.1. 544 с.
- Бирюков Д.С. Св. Симеон Новый Богослов // Антология восточно-христианский богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия: в 2 т. / под науч. ред. Г.И.Беневича и Д.С.Бирюкова; сост. Г.И.Беневич. М.; СПб.: «Никея»-РХГА, 2009. Т.2. С.281–290.
- Большаков А.П. Раннехристианские апологии: происхождение и содержание // Древний Восток и античный мир: труды кафедры истории Древнего мира истор. фак-та МГУ. М.: ЭкоПресс-2000, 2002. Вып. 5. С.151–165.
- Бриллиантов А.И. Лекции по истории древней Церкви. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 480 с.
- Бычков В.В. *Aesthetica patrum*. Эстетика Отцов Церкви. I. Апологеты. Блаженный Августин. М.: Ладомир, 1995. 593 с.
- Задворный В.Л. История римских пап. Т.1: От св. Петра до св. Симплиция. М.: Колледж католической теологии им. св. Фомы Аквинского, 1995. 346 с.
- Иваненко А.И. Климент Александрийский // Антология восточно-христианский богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия: в 2 т. / под науч. ред. Г.И.Беневича и Д.С.Бирюкова; сост.

Г.И.Беневич. М.; СПб.: «Никея»-РХГА, 2009. Т.1. С.47.

Иларион (Алфеев), архиепископ. Преподобный Симеон Новый Богослов и православное Предание. Изд. 4-е, испр. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. 448 с.

Киприан (Керн), архимандрит. Патрология. Париж; Москва: Правосл. Свято-Сергиевский Богослов. Ин-т, Правосл. Свято-Тихоновский Богослов. Ин-т, 1996. Т.1. 185 с.

Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат, 1987. 336 с.

Светлов Р.В. Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1996. 232 с.

Brasauolus A.M. Index refertissimus in omnes Galeni libros, qui ex nona iunctarum editione extant. Venetiis: Apud Iuntas, 1625. [4], 547, [1] fol.

Brox N. Der Hirt des Hermas / Übersetzt und erklärt von Norbert Brox // Kommentar zu den Apostolischen Vätern / Hrsg. von N. Brox. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1991. Bd. 7. 589 S.

Ewing J.D. The Christianization of *Pronoia*: Clement Alexandria's Conception of Providence. Berkeley, 2005. X, 253 p.

Itter A.C. Esoteric teaching in the *Stromateis* of Clement of Alexandria. Leiden, Boston: Brill, 2009. XIX, 233 p.

Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon / Compiled by H.G. Liddell and R. Scott, revised and augmented throughout by H.S. Jones. Oxford: Clarendon Press, 1996. XXXI, 2042 p.

Osborn E. Clement of Alexandria. Cambridge: University Press, 2005. XVIII, 324 p.

Osborn E. The Philosophy of Clement of Alexandria. Cambridge: University Press, 1957. XI, 205 p.

Osiek C. Shepherd of Hermas. A commentary by Carolyn Osiek / ed. by Helmut Koester. Minneapolis: Fortress Press, 1999. XXI, 292 p.

THE ENIGMA OF THE NAME OF CLEMENT OF ALEXANDRIA

Alexander Ju. Bratukhin

Reader of World Literature and Culture Department
Perm State University

In this article an attempt is undertaken to explain the appearance of a full Roman name for the Greek Christian writer Clement of Alexandria on basis of the custom of the early Christians to take the martyrs' names. The author of *The Stromateis*'s use of the *praenomen* and *nomen* of the consul of 95 B.C. Titus Flavius Clement, who was put to death by the Emperor Domitianus, is explained by the desire of the Alexandrine presbyter to express fuller his literary conception. To prove this hypothesis, it is taken into account the Emperor Septimius Severus taking the name of his murdered predecessor, reference in the beginning of *The Stromateis* to *The Shepherd* by Hermas, who mentioned a Clement, the testimony of the physician Galenus about Flavius Clement and Clement's of Alexandria interest to pharmacology.

Key words: Clement of Alexandria; early Christianity; Alexandrian school; history of the Church; allegory; literary conception; interpretation; The Shepherd by Hermas.